

П Р О З А

Семен РАБОТНИКОВ

Родился в 1939 году в д. Болшево Ярославской области в крестьянской семье. Четырнадцатилетним подростком уехал в Ленинград. Учился в строительном училище, работал на стройках города, на заводе, служил в армии. После окончания филологического факультета Ленинградского университета более тридцати лет преподавал русский язык и литературу в колледже.

Писать начал в юности. Издал три авторских сборника прозы, повесть для детей «Солнце играет» и роман «Столица мироздания», за который удостоен премии им. И. З. Сурикова. Печатался в журналах «Север», «Русь», «Природа и человек. XXI век», в областных альманахах, в газете «Золотое кольцо». Книги выходили в Москве, Ярославле, Рыбинске. Член Союза писателей России. Живет в Переславле.

Художник

Рассказ

1.

Художник Емельян Платонович Овчинников, несколько месяцев назад схоронивший жену Лилю, однажды открыл шкаф, чтобы взять какую-то вещь, увидел висевшую на плечиках белую блузку — и вдруг жена явственно возникла перед глазами. Но не той исхудавшей, мучимой тяжелым недугом женщиной, а молодой, статной, какой увидел ее впервые в небольшом приволжском городке. Продолжалось это лишь мгновенье.

Никакой мистики здесь не было, и с мозгами у художника все обстояло благополучно. Он знал, что у него развито воображение, но не думал, что до такой степени. Жена предстала почти осязаемой. Ни упрека, ни укора не чувствовалось в ее взгляде, а одно лишь любопытство, как и тогда, при первой встрече.

Двум взрослым сыновьям, жившим самостоятельно, ничего не рассказал художник. Ходил по городу и носил в себе тайну. Не раз хотелось поведать о ней, да вовремя прикусывал язык.

Иногда он жаждал увидеть жену, но она не появлялась, а порою вдруг возникала внезапно, так что он вздрагивал. Емельян понял: все зависит не от желания, а от состояния его души. Если в ней был мир и покой — Лиля приходила. Он научился настраивать себя на определенную волну. Живой голос ее хотел услышать, но она молчала и только с любопытством глядела на него.

2.

Студент факультета живописи Емельян Овчинников (Овчина, как называли его соскурсники) прибыл из Питера в городок в верховьях Волги на этюды и поселился в Доме творчества. Емельян был довольно симпатичным, с тонкими чертами лица. Многие художники отпускают бороды, он же каждое утро брился электробритвой и выглядел моложе своих 25 лет. Волгожане почему-то сразу определяли, что он — приезжий.

Первые дни не столько работал, сколько бродил по городу, который напоминал своим обликом если не девятнадцатый век, то, по крайней мере, начало двадцатого. Жизнь здесь как бы остановилась и замерла, хотя по улицам бегали машины и по Волге носились на подводных крыльях «Ракеты» и «Метеоры». Стояло много полуразрушенных церквей и монастырей. Все здесь дышало русским духом, который пришедшие к власти в 1917 году постарались искоренить и, надо признаться, преуспели в этом деле, но не до конца. Его дыхание все же чувствовалось. Местные жители окали и говорили по-волжски нараспев, не говорили, а будто пели: «По-ошли-и в ле-ес». — «А-а по-ошто-о?» — «По-о яго-ды и по-о грибы-ы».

Больше всего Емельяна удивляли женщины. Тут, в верховьях Волги, испокон веку жило славянское племя, ни с кем не смешиваясь, может быть, только с финно-уграми, да и то в дремучей старине. И вывелся тип русской женщины: статной, красивой, белолицей, со светлыми большими глазами и русыми волосами разного оттенка.

Емельяну все здесь нравилось. Заглохший сад, запущенный дворик, на который выходило накренившееся крыльцо, сама Волга, не такая широкая в верховье, как в среднем и нижнем течении, но не узкая, просились на холст. Бродил, запоминал, все время испытывая легкую грусть от одиночества, словно дуло сквозняком в правый бок. Рядом с ним никого не было. Между тем на улицах встречалось много хорошеньких девушек, стрелявших в него глазками. Подойти и познакомиться как-то неловко. Для некоторых знакомство — плевое дело, а для него это было целой проблемой. В ближайшую субботу художник отправился в городской сад на танцы.

В саду цвели липы. Дурманящий аромат распространялся, кружа всем головы. Только совсем бесчувственный человек не ощущал его. Парни стояли у танцевальной площадки, курили, сплевывая себе под ноги. Некоторые пришли в крепком подпитии.

Заиграл оркестр на эстраде, и зашаркали по площадке ноги танцующих. Солнце клонилось к закату и освещало сад, бросая густые тени от толстых стволов лип. Темно-

ты ждать еще долго. Вот тогда танцы зашумят, а пока происходила разминка, и оркестр играл вполсилы. Подойдя к танцевальной площадке, Емельян сразу обратил внимание на одну девушку, стройную, с правильными чертами лица, стоявшую с подругой в стороне от других. На ней было небесного цвета платье, плотно облегавшее стан. Волосы редкого цвета: светлые с серебристым оттенком, как льняная кудель. Вокруг стояло немало красивых девушек с более яркой внешностью, но он почему-то выбрал ее.

Когда заиграл оркестр, он подошел к ней, поклонился, как подобает воспитанному человеку, чем вызвал недоумение у окружающих — здесь не привыкли к такому обращению, — и пригласил на танец. Девушка охотно согласилась. Видно было, что он ей тоже нравился. «Какое прекрасное лицо!» — Емельян не сводил с нее глаз.

— Как вас звать? — поинтересовался он.

— Лиля, — голос у нее тоже был красивый, звонкий.

— А мое имя прямо-таки из сказки — Емельян. Но Емелей меня никто не называет.

Танец закончился. Подвел ее к прежнему месту и снова поклонился, встав неподалеку, чтобы пригласить на следующий танец. Вокруг зашумели:

— Что за парень? Видно, неместный. Откуда-то приехал...

Оркестр еще не успел заиграть, как к Лиле подошел белобрысый парень, примерно одних лет с Овчинниковым, смело взял ее за руку, давая понять, что эта девушка его, и увел на танец. Она покорно шла за ним, но было заметно, что он ей не нравился. У него были не только светлые волосы, но и белесые глаза, и на лице застыло жесткое выражение, как у большинства местных парней.

Потом к Лиле снова подошел Емельян и пригласил на следующий танец. Так они и менялись: то белоглазый, то он. Темнота между тем сгущалась. Танцы разгорелись. Оркестр играл в полную силу, и молодые люди выделяли разные кренделя. Емельян понимал, что рискует. Белоглазый окружил себя подростками, что-то говорил им и указывал глазами на студента. Ясно, что просил проучить этого наглеца, который из-под носа уводит у него девушку.

— Лиля, — впервые Емельян произнес ее имя, и оно отозвалось в сердце, — вы не против, если мы покинем танцплощадку и погуляем по городу? Вы покажете мне достопримечательности...

Из освещенного танцевального круга шагнули в темноту, растворившись в ней. Белоглазый с толпой подростков кинется искать их по саду и, к своей досаде, не найдет.

3.

Ночью никаких достопримечательностей не разглядишь, и они пошли на набережную Волги. Полной темноты все же не было. На противоположном левом берегу угадывался лес. Медленно плыл буксир, толкая перед собой баржу. На фоне зеленеющего неба на изгибе реки вырисовывался монастырь с главами церквей. Рядом с Емельяном стояла юная девушка, и он почувствовал восторг и полноту жизни впервые за несколько дней пребывания в городе. Неужели она давала ему это состояние?..

От воды тянуло прохладой.

— Вам, Лиля, не холодно?

— Немного зябко, — поежилась она.

— Давайте тогда ходить. Вы учитесь или работаете?

— Работаю швеей на швейной фабрике.

— И не стремились никуда поступить учиться?

— Нет.

— Уважаю людей труда. Я и сам не один год работал станочником на заводе и прослужил срочную службу в армии. По-моему, и надо начинать жизнь с физического труда, чтобы человек не зазнавался. Не привожу себя в качестве примера, но скажу, во мне с самого детства, как заноза, сидело стремление достичь чего-то большего. Уже тогда увлекся рисованием и решил: буду художником.

— Я боялась провалиться на вступительных экзаменах,— смущенно проговорила девушка.

— Напрасные страхи! Можно пытаться снова и снова. Знаю тех, кто делает третью и даже четвертую попытку... Вам в школе какой-нибудь предмет нравился?

— История.

— Живя в этом городе, как не полюбить историю!

— Мечтала стать преподавателем.

— Вот и становитесь им, раз вам хочется.

Покинув набережную, долго бродили кривыми улицами и переулками, пока Лиля не подвела его к дому, в котором обитала ее семья. Дом был двухэтажный, с тремя подъездами, без всяких излишеств архитектуры. Перед окнами в маленьком палисаднике росли березы и кусты акации. Место показалось молодому человеку живописным. Занимался рассвет. Договорились о встрече на завтра и расстались.

Только отошел от дома, как увидел белоглазого с толпой подростков. Оказывается, они искали студента по всему городу. К счастью, в этот момент он заворачивал за угол, и его не заметили. Не то быть бы ему битю.

4.

Начались их ежедневные встречи. Моста через Волгу не было, о нем только постоянно твердили и писали местные газеты. На другую сторону переправлялись на пароме или собственных лодках, которых здесь имелось множество. Лилия достала у знакомых ключ от замка, которым старенькая лодчонка запиралась у сваи. Емельян отпирает замок, протягивал девушке руку и, усадив ее на корму, брался за весла. Лодка, казалось, не выдержит плавания и развалится на середине реки. Сквозь щели просачивалась вода. Течение увлекало их далеко от города. Назад приходилось идти на веслах, и студент греб до кровавых мозолей на ладонях. Причаливали к противоположному берегу напротив города — излюбленное место отдыха горожан — и ступали на землю. У кромки воды рос кустарник-ивняк, а дальше поднимались высоченные сосны и ели, настоящий мачтовый лес. Вся земля осыпана хвоей, островками росла земляника, и молодые люди, срывая ее вместе со стеблями, кормили друг друга пахучей лесной ягодой.

О любви не говорили, сами не знали, что за чувство наполняло их. Часто не вовремя и не к месту произносят эти святые слова и впоследствии разочаровываются.

Лиле студент, конечно, шибко нравился. Он так не походил на местных парней, с которыми ранее приходилось общаться. Все как будто были сбиты на одну колодку, сквернословили, бравируя грубостью, считая ее проявлением мужской силы и смелости, не только в мужской компании, но и в присутствии девушек. И вот, оказывается, есть другие люди, которые говорят о чем-то высоком — искусстве, красоте природы.

Емельяна точно укусила змея, наполнив ядом. Его влекло к Лиле. Он каждый день встречал ее у проходной швейной фабрики.

Между тем студента искали и могли избить до полусмерти. Каким-то образом белоглазый узнал, что его соперник обитает в Доме творчества. Вахтерша тетя Фрося увидела из окна толпу парней и женским чутьем угадала, что они кого-то дожидаются и опасны. Вид у них был угрожающий.

— Студент, не за вами пришли?

Овчинников глянул — точно, за ним, в толпе стоял белоглазый. Собрались не подростки, от которых можно и отмахнуться, а парни.

— Выходите-ка через заднюю дверь, — посоветовала тетя Фрося и громко заговорила, обращаясь к толпе парней. — Вы кого ждете? Уходите! Все командировочные уехамши.

Емельян воспользовался ее советом и избежал мордобоя. Сознание опасности еще более обостряло его чувство к девушке. Все же с белоглазым Овчинников столкнулся на улице, когда тот был один.

— Какой ты парень, если нанимаешь дружков, чтобы меня поколотили! Ты даже не понимаешь, как это гнусно! Коли желаешь, давай сойдемся один на один. Только это ничего не изменит. Девушка имеет право выбора, и она выбрала не тебя, а меня.

5.

Июль близился к концу, и Овчинников предложил Лиле ехать с ним в Питер, поступать в институт. Не мог он уехать, оставив ее этому хмырю белоглазому.

— Но я не готовилась, — заволновалась она.

— В оставшееся время буду с тобой заниматься по 15 часов в сутки, — успокоил ее Емельян.

Лиля познакомила его со своей матерью, Фаиной Савельевной, лет сорока пяти, простой фабричной работницей. Отец давно ушел из семьи и не интересовался ни дочерью, ни сыном Колей — школьником 12 лет. Сказали матери о намерении поехать в Питер. Фаина Савельевна прослезилась и глянула на Емельяна таким доверчивым взглядом, что у него защемило сердце.

— Думаю, вы не обидите мою Лилю.

Через день поезд увозил их на север, и девушка, радостная и смущенная, поглядывала то в окно, то на Емельяна, о существовании которого недавно и не знала. За несколько дней он стал таким близким, что она полностью доверилась ему.

— В университет поступать сложнее, а вот в институт на истфак попроще. Не робей! Смелость города берет! — подбадривал Емельян девушку.

У семьи Овчинниковых имелась пустующая комната в коммунальной квартире на улице Рубинштейна у Пяти углов. В ней и поселились. В последний день сдали документы и засели за учебники. Как и предполагал Емельян, Лиля оказалась способной ученицей, быстро все схватывала и запоминала.

В день экзамена проводил ее до дверей факультета и даже благословил.

— Ежели в аудитории сидят двое-трое экзаменаторов и среди них мужчина, иди к нему. Как ни странно, многое зависит от личной симпатии. А ты не можешь не понравиться, — наставлял Емельян девушку.

Первый экзамен был, правда, письменный — сочинение, и результат узнали только через пару дней. Четверка.

— Что ж, для начала неплохо. Сочинение — коварный экзамен, и многое зависит от проверяющего. Кто любит казенные мысли и слова, кто, напротив, искреннее, свое.

Второй экзамен, историю, сдала на пятерку.

— Как ты и советовал, села к мужчине. Ответила на вопросы в билете. Потом он много задавал дополнительных вопросов. Над одним долго думала. Какие существовали письменные источники в древней Руси? Назвала: летописи. А еще, еще? — допытывался экзаменатор. Казалось, все, провалилась. Потом вспомнила: «Правда». Не поверила своим глазам. В экзаменационном листке стояла пятерка.

Другие экзамены сдавать было проще. Высокие оценки ставили как бы по инерции.

6.

Началась их совместная студенческая жизнь в двадцатиметровой комнате коммуналки у Пяти углов. Овчинников не хотел зависеть от родителей и подрабатывал, писал на улице портреты, хотя отец и мать все же помогали, так что Емельян и Лиля не голодали и даже развлекались.

Пока стояла ранняя осень, объездили все пригороды. Лиле понравился Павловский парк, напоминавший ей родной заволжский лес, дикий, широко раскинувшийся. Петродворец с его фонтанами, как ни странно, понравился ей меньше. Емельян догадался, что, выросшая на природе, она не любит блеск и мишуру.

— Дикарка! — сказал он ей.

Емельян ваял свой идеал женщины, жены и замечал, что это у него получается. Лиля менялась на глазах, исчезали застенчивость, угловатость, и девушка становилась еще краше. В такую легко влюбиться, и тот, кто полюбит, не станет ждать, а сразу попытается сделать отношения предельно близкими. Ну что ж, думал он, влюбится — так влюбится, ничего не поделаешь, лишний должен уйти. Он и сам оттеснил белоглазого.

Не всегда она поддавалась лепке. Привел ее в филармонию на концерт симфонической музыки и заметил, что Лиля откровенно скучает.

— Тебе не нравится?

— Не знаю. Я не понимаю, — прошептала она.

В перерыве стал объяснять ей, что тут не надо ничего понимать, а только слышать красоту звуков и улавливать настроение, которое передает музыка.

— Какой смысл в соловьином пенье? Никакого. Но мы наслаждаемся им. То же самое и в музыкальном произведении. Правда, здесь намного сложнее...

7.

Только через два года проживания в одной комнате коммуналки у Пяти углов в их отношениях наметилось новое. «Нельзя же жить так вечно. Впрочем, почему нельзя? Бывает, и живут так, — размышлял Овчинников. — Возможно, это самое лучшее во взаимоотношениях между мужчиной и женщиной. Лиля дает мне ощущение счастья. Этого и достаточно... Нет, надо перешагнуть через так называемое духовное, через себя. Не исчезнет ли оно, уступив место одному животному влечению?.. Как у других просто. Я же все слишком усложняю». Таким размышлениям не было конца.

Лиля в разговоре часто упоминала имя Альберт. Поначалу Овчинников пропускал мимо ушей, затем насторожился — уж слишком часто звучало имя. Спросил:

— Кто такой Альберт?

— Сокурсник. Очень способный парень. Такие доклады делает на семинарах! На уровне доцента.

— Он тебе нравится?

— В общем — да, — ответила Лиля, не покраснев.

Укол ревности почувствовал в своем сердце. Он лепит, а его лепкой воспользуется другой.

В воскресный день они проснулись поздно и лежали, думая: «Хорошо, что не на занятия. Можно и поваляться». В будни вставали рано и, позавтракав, каждый спешил к своему месту.

За окном был май.

— Прочь из каменной ограды на природу! — Емельян решительно сбросил с себя одеяло и в одних трусах и майке затопал по комнате, по-солдатски быстро одеваясь.

Такое же нетерпение охватило и Лилю.

— Куда тронемся?

— Конечно, в Павловский лес, — она называла его не парком, а лесом.

До Витебского вокзала рукой подать. Через несколько минут тряслись в электричке, а через час уже брели по аллеям. Лилия удивилась: середина мая, а березы только начали распускаться. В ее городе об эту пору деревья уже шумели полной листвой. Неужели весна в этом году запаздывает? Потом догадалась: ведь это север, и здесь все распускается на несколько дней позже. Все дышало первозданностью, свежей зеленью.

— Стой! И не шевелись! — Емельян захватил альбом и карандаши. Несколько штрихов — и готов портрет. Он писал ее с натуры и по памяти. С каждым разом портреты получались лучше, или Лилия становилась все краше. Закончив, показал ей портрет, не дожидаясь ни похвалы, ни порицания. Разглядывая портрет, она прижалась к его плечу грудью, и тут в порыве Емельян обнял ее и спросил:

— Лилия, ты будешь моей женой?

Она кратко ответила:

— Да.

8.

Непросто переступить через духовное. Никто бы им не поверил, что между ними не было близости: ведь жили два года в одной комнате. Поехали на родину Лили, где намеревались венчаться в церкви.

По старой памяти Овчинников поселился в Доме творчества. Лилия, понятно, — у своей матери. Постаревшая Фаина Савельевна, как водится в таких случаях у матерей невест, всплакнула. Брат Коля за то время, когда не виделись, вытянулся в росте, и на горле выпер кадык. Голос стал как у молодого петуха по осени.

В городе произошло великое событие: построили железобетонный мост, соединивший берега Волги. Но монастыри и церкви еще сильнее обветшали, и деревья на их стенах и крышах вытянулись еще больше. И только Волга в тех же берегах несла воды к Каспию. Сколько воды утекло за два года!

В субботний вечер пошли в летний сад на танцы. Играл тот же оркестр, но молодежь веселилась другая. Лилины сверстницы повыходили замуж, и им уже не до танцев. Белоглазого Емельян тоже здесь не встретил. Женился или куда-то уехал.

Съездил в заволжский храм, чтобы договориться с батюшкой о венчании. Храм стоял на возвышенности посреди села. От него лучами расходились посадки. Рядом с церковью небольшой домик священнослужителя. Постучался — вышел старенький небольшого роста попик в рясе, которую он, по-видимому, никогда не снимал.

— Батюшка, я хочу со своей невестой венчаться в вашей церкви. Слышал, что она никогда не закрывалась, даже в страшные тридцатые годы.

— Много раз пытались ее закрыть. Но преданный вере народ отстоял, — по-волжски окая, заговорил священник. — Как вас зовут, молодой человек?.. Какое прекрасное имя! Ваше намерение, дорогой Емельян, достойно всяческих похвал. Брак должен быть освящен Богом. Но... нужны ваши паспорта.

— А без паспортов нельзя?

— Никак невозможно. За нами следят, — шепотом произнес священник.

«Боже мой! — воскликнул про себя Овчинников. — Ведь не тридцатые, не сороковые, не пятидесятые, а семидесятые — и до сих пор доносы. Власть, видно, не может существовать без соглядатаев. Неужели струшу?» Он в самом деле почувствовал неуверенность. Может быть, не стоит затевать венчание? Зачем напрашиваться на неприятности? Но, укрепляясь духом, твердо заявил себе: «Что бы там ни было, но я повенчаюсь с Лилей».

9.

В день венчания Овчинников нанял такси, и они с Лилей в сопровождении двух свидетелей — молодоженов, знакомых невесты — по новому мосту поехали в Заволжье к престарелому батюшке в церковь Вознесения. На Лиле было белое платье, так шедшее к ней, Емельян одет в черный костюм и белую рубашку с ярким галстуком. Пока ехали, пробовали шутить — не получалось. Понимали важность происходящего, и было не до шуток.

День был воскресный, солнечный. Разумеется, солнце светило для них. В церкви, где негусто стояли молящиеся, в основном старушки, проходила обедня. По завершении ее народ двинулся к выходу, но, узнав о предстоящем венчании, вернулся. Более того — слух распространился по всему селу, и в церковь валом повалил и стар, и млад. Несколько лет обряд венчания не совершался здесь. Это придавало торжественность происходящему, так что жених с невестой заволновались и стояли как в тумане.

— Невеста как цветочек.

— Красивая пара, — перешептывались люди.

Лиля светилась внутренним огнем. Радовался и замирал от счастья Емельян.

Завершив обряд, батюшка сказал несколько простых слов о любви между супругами, верности, чадолубии. Народ расступился, и по узкому проходу молодожены пошли к выходу, где их с нетерпением дожидался таксист, думая о своем, — затянулось венчание, срывался его воскресный заработок, надо накинуть лишний червонец. Стоявший по обе стороны узкого прохода народ кланялся молодым, желая счастья, дарил цветы. Цветы клали и к их ногам. В ответ они тоже склоняли головы и благодарили. Ни Емельян, ни Лиля не ожидали такого торжества.

— И я хочу венчаться, — сказала Лилина подруга своему мужу, так ей все понравилось.

После поехали в ЗАГС. Там скопился народ на регистрацию. Заняв очередь, вышли на улицу, чтобы не слышать избитых фраз, которые произносила депутат горсовета, полная нарядная женщина с красиво уложенными волосами. Вместо таинства здесь происходила обыденная процедура регистрации, о которой так и говорили: пойти в ЗАГС расписаться. Как в ведомости на зарплату. Улучив момент, Емельян вошел в здание и шепнул чиновнице, тоже нарядной даме, что они уже венчались в церкви и им от них нужно только свиде-

тельство о браке. Он старался говорить мягко, чтобы не обидеть ее. Но какое выражение обиды выступило на лице женщины — точно ее оскорбили!

— Вот еще верующие нашлись! И это современные молодые люди! — с гневом произнесла она, но все же пропустила их вне очереди в зал, где они расписались в регистрационной книге и получили свидетельство о браке. Все время с лица женщины не сходило выражение обиды.

Свадьба у них была тихая, не в кафе, не в ресторане, а прямо в маленькой квартирке Фаины Савельевны, и присутствовало на ней чуть больше десяти человек, ближайшие родственники.

10.

Все лето они провели в городе на Волге у Фаины Савельевны, как муж и жена. Прожив два года в одной комнате, они словно и не знали друг друга.

Никогда прежде не охватывало Овчинникова такое вдохновение, как этим летом. Рано утром, оставив спящую жену, выходил на реку и писал красками с натуры.

Лодки стояли у берега полузатопленные и догнивали. Нужда в них отпала с открытием моста. Прежде на лодках жители переплывали реку по хозяйственной надобности. В дремучем заволжском лесу собирали грибы, малину, чернику, бруснику, в начале осени — клюкву, изобиловавшую на болотах.

Емельян и Лиля, вооружившись корзиной-лубяжкой, отправлялись в лес тоже по хозяйственной необходимости и приносили Фаине Савельевне разные ягоды, из коих она варила варенье, не для себя, а им на зиму.

Забредя в глушь, стоя на коленях, Емельян собирал чернику, от которой пачкались пальцы. Неподалеку срывала ягоды жена, одетая в брюки и поношенную кофточку. Губы ее потемнели от ягод. Она показалась ему такой желанной, что, не в силах сдерживаться, подошел, обнял и уложил на землю. Сосны над ними раскачивали свои вершины. А еще выше плыли, не задевая солнце, белые облака. В мире были только они двое да великая мать-природа — и больше никого. Неужели всегда будет такое счастье, думал Емельян, слыша, как ритмично, гулко билось сердце в груди и, вторя ему, стучало сердце любимой. Такое, наверно, блаженство испытывали в раю первые люди.

В конце лета, нагруженные тещиными банками с соленьями, варениями и сушениями, отбыли в Питер, где их ждало серьезное испытание. Не в раю они пребывали, а на грешной земле.

11.

Лиля вернулась из института заплаканная.

— Емельян, меня исключили! — крикнула она, кидаясь к мужу.

— За что? — удивился он. — Ты ведь вовремя сдала все экзамены и зачеты.

— Да, вовремя. В приказе сказано: за антиобщественное поведение. Я так думаю, за венчание в церкви.

Емельян согласился:

— Конечно, за это.

Из ЗАГСа, где он неосторожно сказал несколько слов, или из райкома, контролирующего церковь, сюда пришло сообщение, что такие-то молодые люди венчались в

церкви. А как с ними поступить — решать на месте, и Лилию по всей строгости наказали, исключив из института.

— Ты пробовала объясниться?

— Я не в силах вымолвить слово. Прочитала приказ — и сразу к тебе.

— Не плачь. Поехали.

У декана проходило какое-то совещание, и пришлось долго ждать, Емельян ходил взад-вперед по коридору, расплескивая негодование. Лилия сидела на стуле с грустным лицом, но не плакала. Муж запретил ей плакать. В конце концов, секретарша пропустила их к декану. За столом сидел средних лет мужчина с ясно проступающим на лице выражением идейности. Емельян старался говорить спокойно, но голос его дрожал:

— Во всем виноват я. Это я настоял на венчании. Жена же моя здесь ни при чем.

— В таком случае вы здорово подвели жену. Вы забыли, что она учится на идеологическом факультете, где нельзя терпеть инакомыслия и антиобщественных поступков, — говорил декан неприятным голосом. — Ничем не могу помочь. Я свои приказы не отменяю, — и под конец немного утешил: — Может быть, через два-три года разрешим вам восстановиться на вечернем или заочном отделении.

Овчинников понял: уговаривать его бесполезно.

— Нет, мы сюда больше не придем, — круто повернулся на каблуках, как солдат, и, взяв жену за руку, вышел из кабинета.

Лилия готова была снова разрыдаться.

— Не плачь! — строго приказал Емельян. — Знания, которые ты получила, у тебя не отнимут... Нам повезло жить в относительно либеральное время. А как бы с нами расправились живи мы в тридцатые, сороковые или даже в пятидесятые годы, если бы мы осмелились венчаться? Судили бы или сослали, куда ворон костей не носит.

С самим Овчинниковым поступили иначе. Не журил его декан, только разобрали на бюро комитета комсомола, да и то чисто формально. Его учеба близилась к завершению.

Лилия пошла воспитательницей в детский сад. Она ожидала ребенка. Овчинников по завершении учебы не стал вольным художником, а тоже отправился работать преподавателем в художественное училище. Творчеством занимался в свободное от службы время. Работа преподавателем давала ему творческую независимость и средства для жизни.

Семья росла. За первым сыном через полтора года родился второй. Квартиру купили в кооперативе.

12.

Поначалу кажется, что жизнь бесконечно долгая. Но время летит с ускорением, и где-то под пятьдесят человек замечает, что сдает, энергия иссякает. Тогда-то и появляются мысли о бренности земного существования. Хвори разные одолевают.

Старение Емельяна и его жены Лили совпало с резкими переменами в обществе. Идеология, которая давила на мозги не одного поколения разом лопнула. Вздохнули с облегчением. Свобода самовыражения! Но вслед за свободой пришло обнищание. Крепко задумаешься: что лучше — ограничение свободы и материальный достаток или безграничная свобода и неуверенность в завтрашнем дне. Что самое удивительное — у власти оказались те же самые люди, и прежде мертвившие жизнь, но теперь руководившие под вывеской поборников демократии. Овчинников, глядя на них, досадовал и смеялся. Как вы могли забыть свое прошлое? Ежели искренне раскаялись, то ступайте в мона-

стырь замаливать грехи свои. Жив ли декан, исключивший Лилию из института только за то, что она, вступая в брак, венчалась в церкви?.. Он насквозь видел темные душонки этих прихлебателей-приспособленцев, готовых не раз сменить убеждения. Впрочем, убеждений-то у них никаких и не было, кроме собственной выгоды. Чтобы повластвовать, расчленили великую страну.

Это был сильнейший удар для Емельяна Платоновича Овчинникова. Даже стал попивать с горя, но вовремя остановился. Детей надо учить, ставить на ноги, да и жена Лиля серьезно захворала. Он выстоял, а она, хрупкая женщина, занедужила. Что на нее так подействовало? Сырой холодной осенью простудилась, и начался сильный кашель, который не проходил. Отправил ее в родной приволжский город к брату Николаю, подальше от гнилого питерского климата. Сюда они приезжали почти каждое лето и, пока жива была теща, гостили у нее месяцами. Емельян тоже считал этот город своим.

Овчинников приехал навестить жену на Новый год и Рождество и застал ее сильно похудевшей. «Ей не дотянуть до весны», — подумал он и так расстроился, что сам чуть не заболел.

Город был заметен снегом, его никто не убирал. Через замерзшую Волгу ходил народ. У опор моста вода не замерзала, и от нее поднимался парок.

Одевшись потеплее, Емельян и Лиля бродили по городу, пришли и в заснеженный сад, где впервые увидели друг друга. Овчинников так ясно представил себе эту картину, что зима как будто исчезла, воцарилось лето, а у танцевального круга стояли две симпатичные девчушки. Продолжалось это видение недолго. Потом все исчезло — и снова снег, снег. Эстраду, где играл оркестр, почему-то сломали. Посмотрел на жену, державшую его под руку: лицо оживилось улыбкой, тоже вспоминала тот летний вечер...

Хотелось погостить подольше, но ждала работа.

— Крепись до весны. Весной тебе станет лучше, — сказал он ей на прощанье и уехал. Лиля осталась одна, похудевшая, постаревшая.

Звонили друг другу по два-три раза на дню. Жена интересовалась делами сыновей. Оба уже выучились, женились и работали.

Миновал январь с лютыми крещенскими морозами, когда на улицу носа не высунешь, прошел февраль с метелями, заметавшими дома по самые карнизы. Начался март. Март, хоть и считается весенним месяцем, на самом деле зимний, и морозы жмут под двадцать, и снегу наваливает под самую печную трубу. Но когда появляется солнце, опухивает весной, и в последнюю неделю трогаются снега. Самая волнующая пора — таяние снега, водополье. В небольшом городе, как в деревне, природа не отгорожена от человека и все на виду. Ручьи превращаются в реки и торопятся в Волгу. Тропинки, проложенные через нее зимой, становятся опасны. Но беспечный народ ходит и ходит по ним, пока кто-нибудь не провалится.

В это самое время бурного таяния снега Лиля слегла окончательно, не звонила и не отвечала на звонки. Сообщил брат Николай, что ей худо.

Емельян приехал в тот же день. Он не рыдал, не бегал по врачам, не просил помочь — все было бесполезно. Не отходил от жены ни на шаг и держал ее за руку. Ему казалось странным, что она уйдет, а он останется. Так крепко они срослись. Он изваял ее по своему идеалу. И что бы ни случилось дальше, он будет знать: в его жизни была любовь. Была... Наверное, потому, когда по прошествии времени Лиля стала являться перед его внутренним взором так ясно, что хоть касайся, художнику не представлялось это странным...